

* * *

Поэт ли ты, России всё равно!
Ты – персонаж в отечественной драме,
Вглядишься в лесное озеро – оно
Зеркальный рай в нежно-зелёной раме.
А в нашей жизни всё наоборот!
Здесь каждый жук живое древо точит
И просвещать немислимо народ,
Когда и сам он правды знать не хочет.
Войны, поэт, не выиграть никак!
Пусть на алтарь ты голову положишь,
Ты – одиночка, пария, чужак,
Когда всеобщей ложью жить не можешь.
Так что ж тебе воспеть в твоих стихах?
Агонию страны, её идеи?
Или, как все, писать о пустяках,
Чтобы тебя не трогали злодеи?
А лучше утром выгляни в окно,
Найди, попробуй, проблески России,
Вглядишься в людей, зачем тебе кино
Об ужасах предсмертной эйфории?

* * *

Цвёл ядовитым цветом олеандр,
Открыто силу попирала сила,
Когда Персеполь грабил Александр
Иль над Европой нависал Атилла.
Огнём и дымом затмевало склон,

Когда, в седле умея удержаться,
К Аустерлицу шёл Наполеон,
Чтоб видно было как и с кем сражаться.
А мы попали в жёсткий переплёт,
Когда своё переменяв мышленье,
С дороги предков сбившийся народ
Победу променял на поражение.
Чтоб о наживе повторяя бред,
Страны позор воспринимать бесстрашно,
Неужто впрямь России больше нет
И русская история напрасна?

* * *

*Слова нам, верьте, посылает небо,
Нельзя их изводить на пустяки*

Ли Губо 1169-1241 гг

Ночь без луны, собеседников нет,
Дом в поднебесье туманом объят,
Может расскажет корейский поэт
О лепестках, что осыпали сад?
Может за шторой послышится мне
Что под обрывом рокошет река?
Или, что ночью над лампой в окне
Мягко трепещет крыло мотылька,
Что водопадами стали ручьи
Падая с гор, но, далёкий собрат.
Как о поэзии мысли мои
Выразил он девятьсот лет назад?

* * *

Удочка, лодка, на леске свинец,
Водятся в речке лещи,
Если ты вправду отважный пловец,
Спутников не ищи.
В затхлом болоте лягушка живёт,
Впавшая в самообман,
Это создание речей не поймёт
Про мировой океан.
С лодки легко оттолкнувшись веслом,
Брось её в руки судьбы,
Опытный мастер на древе гнилом
Не оставляет резьбы.
Лучше смотри на весенний разлив,
Может увидишь с моста
Стройный маяк, проступающий риф
И золотого кита.

* * *

Во мраке вод отражена,
Тиха окрестность и бездомна
И лишь осенняя луна
Дика, мятежна и огромна.
Сова, задев её крылом,
Роняет в рощу блеск латунный,
Но вслед за солнечным теплом
Не согревает пламень лунный.
И только отдалённый лай,
Ещё звенящий по округам,
Пустынный оживляет край
С водой над вытоптаным лугом.
Ведь нынче там, где тлел очаг,
Где свежий лес пестрел от соек,
Заводик, врезавшись в овраг,
Кадит скелетам новостроек.
При виде труб и пустырей,
Чему научатся потомки
У тех, что Родины своей
Хранят священные обломки?
И, вдруг, заметишь у реки,
За свалкой ив полуистлевших,
Домишек сельских огоньки,
Здесь, Бог весть как и уцелевших,
Найдёшь, обозревая весь
И ёлок редкие верхушки
Россию, сжавшуюся здесь
До этой ветхой деревушки!
Кто очертил её предел?
Пусть монастырский крестик вышит,
Универсальный новодел

Сакральной древностью не дышит.
Зачем же, выстроившись в ряд,
По обе стороны аллеи
Чужой эклектикой блазнят
Дворцов безликих мавзолеей?
Зачем из космоса видна,
Как план, что вымарал чертёжник,
Необозримая страна,
Где задыхается художник?

* * *

Я снова прошлое зову –
Решётки, символы морские,
Где видят остров и Неву
С мансард высоких мастерские.
Где под стеклом фарфора Севр,
Где в Петергоф отходит катер
И помнит копии шедевр
Моралесова Богоматерь.
Там до сих пор мои друзья
Живут по воле безрассудства
И жадно молодость моя
Вдыхает опиум искусства.
В мой бывший дом придут опять
Творить и спорить беззаботно,
Чтоб, вместе бедствуя, понять,
Что бескорыстье благородно.
Пусть и тщеславны времена,
Похвал пройдёт короткий дождик,
Дилемма в творчестве одна –
Художник ты, иль не художник.
Ведь, если мечешься, какмышь,
Стремясь урвать обломок сыра,
Марая холст, не устоишь
Перед божественностью мира.

* * *

С.У.

Как странно вновь, когда простилось лето,
Расцвёл мой сад к приходу твоему,
Твоё явленье – это вспышка света,
Чтоб видеть окружающую тьму.
Пусть множил мир наследия объекты,
Ты мной как новый был открыт алтарь
И было тайной, что за человек ты,
Как в глубине телесной скрыт фонарь?
Я поняла что мрачны и острожны,
И беспросветны здешние края,
В твоём сиянье стали так ничтожны
Мои стремленья и вся жизнь моя.

А ты, вершин касавшийся Памира,
Так мягко стопы ставил при ходьбе,
Что, восставая, все запреты мира
Мне преградить старались путь к тебе.
Но, замерев над поздней пасторалью,
Я вдруг постигла, что совсем не ты,
Из глаз твоих с космической печалью
Сам Бог смотрел на землю с высоты.

* * *

Я девушку в юности знала одну,
Что с некой космичностью зренья,
Гигантскую видела рядом луну,
Планет и созвездий вращенья.
Всю жизнь изучали её доктора,
Внося наблюденья в тетрадки,
Но даже маститые профессора
Найти не сумели разгадки.
Всё тайна и всякое зреньё – секрет!
На шее крутясь каруселью,
Из дымчатых и разноцветных планет
Мои состоят ожерелья.
И если стущается тьма надо мной
И близость вражды существует,
Душе открывается космос цветной,
Лучится он и торжествует.
Он рядом живёт, подступает извне,
Сверкает над крышами зданий,
А ночью словами теснится во мне
Сбывающихся предсказаний.

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ (триптих)

И Спаситель в пустыню вошёл,
Что у ног распласталась, немея,
Горы круглые горбили дол,
Где гнездились фаланги и змеи,
Сорок дней он постился, как Бог,
Только солнечный чувствуя пламень,
Сорок дней Его дьявол стерёг,
Огляделся и выполз на камень.
Что он был – наважденье, волшба?
Воздух сфер, порожденье кошмара?
– Обрати эти камни в хлеба,
Если Бог ты, при помощи дара!
Завяжи всех единой судьбой,
Подчиняя себе государства,

Все народы пойдут за тобой
Им не надобно Божьего Царства.
Слышишь, Бог? Отчего ты молчишь?
Ведь от алчности злы и суровы,
Все корыстью и движимы лишь
И на всё ради хлеба готовы!
Прикрывая хитомом плечо,
Бог промолвил: – Не хлебом единым
Будет жив человек, а ещё
Божьим Словом, что сказано Сыном.

Дьявол понял ответ на вопрос
И, Христа искушая упрямо,
На высокую кровлю вознёс
Величайшего древнего храма.
– Бросься вниз! Это просто полёт!
Не страшись, Ты важнее, чем птица,
Твой Заступник в паденье спасёт
И не даст умереть и разбиться.
Бросься вниз! Разве мы в облаках?
Слышишь, рухнувший падает ставень?
Дальше сказано, что на руках
Понесут, не преткнётся о камень.
Что ж ты медлишь? Скорее решай!
Бог ответил, подумав немного:
– Дальше сказано: – Не искушай
Всемогущего Господа Бога!

Дьявол в разуме строил миры,
Но собрать их не мог воедино,
На вершину великой горы
Мощью вынес он Божьего Сына
И в огнями кипящее дно
Перст направив, от злата согбенный,
Тут задумал в мгновение одно
Все явить ему царства вселенной.
– Круг вселенной – лишь космоса часть!
Есть миры на доступных светилах,
Я над ними даю Тебе власть,
Будь уверен, я дать её в силах!
Всё твоё – и глубины и высь,
Если хочешь, то царствуй отныне,
Лишь не Богу, а мне поклонись!
Если нет, мы вернёмся в пустыню...
Но пустыня уже не страшна,
Как рассказы в Минеях и Четьях.
– Отойди от Меня, сатана!
Повторяется в тысячелетях.

* * *

Старый парк облетел и давно перекрыты фонтаны,
Только носится вихрь по развилкам дорог дотемна,
Каждый вечер под окнами женщина ищет каштаны,
Пусто голое древо, а всё их находит она.
Разгребая листву и к стволу прижимаясь упрямо,
На вершину глядит, словно чуда какого-то ждёт.
– Что вы ищете тут? – возмутится почтенная дама,
А она усмехнётся, не глядя, и прочь отойдёт.
Разве просто сказать, как пустынна, чужда и нелепа
Обступившая жизнь, что украдала счастливые дни,
Оттого и глаза у неё опрокинуты в небо,
Так младенцы глядят и, кто знает, что видят они.
В лабиринтах религий, далёких от радостей шумных,
Неземные законы всецело владеют людьми,
Есть на дне её глаз свет предвидений полубезумных,
Потаённое знание затерянных смыслов любви.
Омрачая пейзаж, проплывают подъёмные краны,
Горизонт затмевая, кругом создается ад,
Но куда эта женщина, молча, уносит каштаны
Несмотря на стремительный, мрачный, багровый закат?

* * *

В ту осень, как в эпос, вместились реальность иная –
Холодный закат в ослепительный вырос пожар,
А ветер ночами, бессильные ветви сминая,
В железной трубе, как парижский гудел Савояр¹.
А среди гаражей, нагнетая предчувствие бедствий,
Стучали по рельсе, подвешенной кем-то на крюк,
Не верилось, что это сможет пройти без последствий,
Что смолкнет когда-нибудь вещей, томительный звук.
И, вскоре, захлопали ставнями, кутаясь в шали,
Седые хозяйки, вернувшись из очередей,
К экранам припав, люди голос взволнованно ждали
Того, кто продаст свой народ за табун лошадей.
Октябрьские листья слагались в суровый орнамент
И ухнули залпы, сгоняя народ с площадей.
Чтоб жёсткой расправой сломить непокорный парламент,
И самых отважных, его защищавших людей.
Уже покидали Москву бэтээрные марши,
О новом порядке надрывно кричала печать,
Боясь, что всплывут с глубины затонувшие баржи
С убитыми, коих никто не посмел сосчитать.

¹ Савояр – колокол весом 19 тонн, собора Сакре-Кёр на Монмартре.

Сонный месяц свернулся кольцом,
 Грива ржи опоясала ноги,
 Лунных бликов коснувшись лицом,
 Выхожу на сугибель дороги.
 Кем проложен извилистый путь?
 Среди выжженных, пыльных соцветий,
 Словно в пропасть, в остывшую грудь
 Гулко падают глыбы столетий.
 Только ветер летит по степи,
 Тербя частокол за деревней,
 Тихо, жизнь моя, Родина, спи
 В колыбели околицы древней.
 В снах истории наше былё,
 В глубоко распростёртые бездны
 Осыпается время твоё,
 Унося и восторги и беды.
 Мир подводит под нами черту,
 Наши дни претворяя в невзгоды,
 Чтобы канули мы в пустоту,

Где навек исчезают народы.
 Как нас в бездну смогли заманить
 Те, кто руша державности скрепы,
 Из традиций умеют хранить
 Лишь корысть и продажность Мазепы?
 На пространствах великой страны,
 Достоянье раздавшие щедро,
 Больше дьяволу мы не нужны
 К нашим алчно припавшему недрам.
 Путь извилист и крут поворот
 Только близится время восхода,
 Тише, Родина, Бог подождёт
 Серный дождь насыпать с небосвода.
 С высоты подмигнул самолёт,
 В чёрном космосе трудится кто-то,
 Скоро первый петух запоёт,
 Чужая трудный виток перехода,
 Наше время спасать восстаёт
 Образующий гений народа.

